

УДК 141.2; 572.02

ЗАЮКОВ М.Н. – директор Общества с ограниченной ответственностью при Центральной клинической больнице (ООО «ЦКБ»), г. Томск

РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В «ОБЩЕСТВЕ РИСКА» И «МЕДИЦИНЕ КАТАСТРОФ» (по мотивам работ У. Бека)

Для истории западной цивилизации основополагающее значение имеет рационализм, выдвигаемый как базовый принцип ее видения, осмыслиения и конструирования. Это связано с тем, что именно внутри неё рациональное мышление об окружающей реальности стало наиболее господствующим (властным, приоритетным по сравнению с чувственностью) в отношениях человека к миру со времен Древней Греции. Обусловленный, в свою очередь, открытием Мирового Логоса, наделившего человека логическим мышлением, он прежде всего направляет свое действие на познание окружающей реальности, т.е. на Бытие. «Одно и то же быть и мыслить», – говорит по этому поводу Парменид [1], считая, что рациональная мысль имеет назначение обнаруживать и познавать бытие. Эпистемологическое содержание философского разума (именно философского, поскольку в то время научный разум еще не отделился от философии) – это его исторически первая характеристика. При этом она была вызвана не только и не столько страхом перед непознанным еще Космосом — таинственным, еще не познанным пространством, в котором человек пребывал, — сколько человеческим любопытством, толкающим его на раскрытие различных тайн. Эпоха Древней Греции содержит наглядные примеры реализации этой функции, которую связывает с мудростью философского знания, обозначая при этом необходимость его передачи через образование. Упомянутый выше исторический период положил начало выделению определенной группы людей, чьим назначением было донесение знания до всех, кто еще не овладел им. Впоследствии они получили название «интеллектуалы» — т.е. те, кто, будучи образованным, знающим, передает свои знания остальным людям. Стремление обучить другого стало необходимым признаком интеллектуала. Образ пещеры и сидящих в ней узников, не знающих Истины и видящих лишь ее тень, символически раскрывает это философское настроение и эту интеллектуальную миссию. Наставник (*παιδαγωγός* – педагог, тот, кто ведет к Истине) явился первым представителем интеллектуалов — «знающих», возложивших на себя ответственную и благородную задачу донести Истину до всех, кто ее еще не знает. Древний грек живет в свете Истины, которая есть высшее Благо, открывающееся человеку, — по крайней мере, в случае, если он «заботится о себе» и очищает себя от скверны. Благо и Истина приносят счастье (*Εύδαιμονία*) и добродетель (*ἀρετή*).

Определение интеллектуала через овладение знанием и заботы о приобщении к нему другого касается не только сферы образования (с которой, может быть, в первую очередь и связывается это определение). Оно связано с

любой и каждой социальной инфраструктурой — но только потому, что везде требуется образование, которое несут образованные классы, т.е. интеллектуалы. Как уже упоминалось, классическое назначение интеллектуалов всегда исходило из миссии нести Истину, уметь самому и учить других рассуждать по поводу её поиска, знакомить с ней, помочь овладеть ею. А поскольку она являла себя всегда в Добре и Красоте (как метафизическое Солнце — то самое, которое увидел узник, поднявшийся из пещеры), то именно Истина несла жизненное начало и звала сохранять его. Как следствие, история связала интеллектуалов с жизнеутверждающими, спасительными для человека и общества идеалами. Не случайно З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество» один из параграфов так и называет: «Можно ли ждать спасения от интеллектуалов?» [2, с. 144-147]. Отвечая на вопрос, можно сослаться на Р. Рорти, который говорит: беды нашей цивилизации связаны с тем, что истина утратила свое значение, когда благодаря ей начало сокращаться расстояние, отделяющее нас от идеала. Ведь сегодня она обращена к сиюминутным задачам, направленным на решение частных проблем «политики компаний». Это «означает утрату образованными классами их былого влияния, отторжение интеллектуальной традиции». По Бауману, образованные классы «”умыли руки” и уклоняются от ответов на вопросы, задаваемые обществом, что было когда-то их главным призванием» [2, с. 144]. Эта ситуация связывается философом с провозглашенным в наше время тезисом «конца идеологий», граничащим с тезисом о конце истины.

Опасность такой ситуации рассматривает и У. Бек в работе «Общество риска. На пути к другому модерну», вводя в дискурс современной цивилизации категорию «риска» и обосновывая эту категорию в онтологическом и антропологическом аспектах. Заметно и важно то внимание, которое У. Бек отводит медицине в обществе, имманентно включившем в себя риск. Определяя современность в понятии «общество риска», У. Бек называет медицину, обслуживающую это общество, «медициной катастроф».

Поскольку риск квалифицируется как характеристика социальной реальности и непосредственно входит в жизнь каждого конкретного человека, воздействуя на его здоровье и бытие, актуальным становится научное внимание к причинам такой трансформации социальной онтологии. Немаловажно также и исследование возможностей медицины как научно-антропологического знания, которое имеет функциональное назначение сохранять здоровье и жизнь человека. В этой связи легко заключить, что риск как таковой приобрел антропологическое значение. Его последствия в XX веке (экологический кризис, а также страхи, связанные с атомным оружием и с эксплуатацией ненадежных АЭС, с созданием бактериологического оружия и пр.), конечно, воздействуют на здоровье и жизнь человека. Кроме того, уже в XXI в. дополнительное психологическое напряжение вызывает внедрение виртуальной реальности и искусственного интеллекта, которые могут нести опасность вплоть до возможности замены биосоциальной формы человеческой жизни жизнью, выращенной на небиологических носителях. Есть ли выход из ситуации, полной стольких рисков?

Положительно отвечая на этот вопрос, У. Бек большую надежду возлагает на медицину (уже упомянутую «медицину катастроф»), которая борется с последствиями риска: заражением воздуха и пищи (болезни легких и желудочно-кишечного тракта), уходом человека в виртуальную реальность (психические заболевания), увлечением ТВ, смартфонами и другими гаджетами (болезни глаз и психики). Парадокс в том, считает У. Бек, что глубинным основанием рисков, порождающим новые и активизирующими старые болезни, является научное знание, всегда рассматривавшееся в его гуманистическом значении — но сегодня, найдя свое воплощение в высоких технологиях, трансформирующееся в силу, угрожающую человеку. Сегодня наука классического плана превратилась в технонауку, что и стало способствовать трансформациям ее гуманистических идеалов. При этом «общество риска» совпало со временем, когда в качестве основы собственного развития оно приобрело научное знание, т.е. собственно науку. Парадокс возникает как следствие того, что при своем возникновении и при определении целей развития наука изменила (?) антропологическое и гуманистическое настроение, состоявшее в улучшении и облегчении жизни человека. Сегодня же оказывается, что медицина борется с последствиями развития науки, которая вместо жизненного комфорта, успеха, уюта и благополучия принесла в первую очередь риски. Что произошло с наукой? Откуда берётся столь драматичный поворот в ее устремлениях? Поставленные вопросы однозначно можно назвать проблемными, но важными для обсуждения.

Присутствие в науке гуманистически ценностных смыслов, конечно, не отменилось, но проблема состоит в том, что их необходимо увидеть как объективно необходимые для реализации, — а для этого следует найти метод, с помощью которого они станут видимыми. Для этого, пишет В.Н. Порус, «собственно эпистемологический смысл должны получить проблемы интеллектуальной коммуникации». По Порусу, эти проблемы состоят в том, чтобы внутри научной деятельности способствовать развитию экономических, политических, национальных, культурных и пр. связей. Только в такой междисциплинарной реализации могут быть обеспечены «эпистемологически значимые условия и предпосылки познавательных процессов», а традиционные эпистемологические конфликты будут интерпретированы «по принципу дополнительности» [3, с. 128-130]. Однако такого рода междисциплинарную и межкультурную коммуникацию затрудняет принцип рационализма в устройении общества. При этом, как пишет М. Фуко, такая коммуникация является себя в дисциплине («дисциплинарное общество»), которая, в свою очередь, инициирует принцип полицейского контроля («общество контроля»). Наряду с различными сферами социальной жизни, устроенными по принципу дисциплины и контроля, Фуко называет и медицину [4] с её контролирующими принципами (перепись населения, контроль за здоровьем как за полезной для государства силой, производство трудоспособного субъекта и т.п.). Все эти принципы имеют рациональный характер, и все они подчинены политическим и экономическим задачам.

«Можно ли ждать спасения от современных интеллектуалов»? — вопрос З. Баумана продолжает оставаться актуальным, а продолжение его обсуждения —

востребованным. В сфере медицины он при этом значим в той же мере, как и в других сферах. Между тем о гипотезе его решения можно было бы говорить в несколько ином направлении. Тот принцип рационализма, о котором говорилось выше и который лежит в основании устройства западной цивилизации, сегодня имеет тенденцию к изменениям в направлении, релевантном тем изменениям онтологии социальной реальности, которые она сегодня претерпевает. Это значит, что необходимо найти основание, на котором смогут базироваться как теоретические рассуждения по поводу формулировки рационалистического принципа, так и конкретные способы его построения.

В целом, речь здесь идет о том, чтобы разработать в рамках имеющегося типа постнеклассической рациональности [5] такую форму рационального мышления, которая бы «снимала», т. е. была бы адекватна специфике современной реальности, связанной с её экологической проблематикой. Это расширит понимание экологии, которая теперь будет представлена не только заботой о природе и ее сохранении, но также охватит актуальные проблемы человека, культуры, общества. Такая интеллектуальная работа должна иметь своим результатом создание единой науки, унифицирующей гуманитарное и естественнонаучное знание. В большой мере и, может быть, прежде всего это касается медицинского знания, которое, в сущности, является собой единство антропологии и естествознания.

Список литературы:

1. Парменид. Из поэмы о природе. Мир Истины 3(3). – URL: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1465876469#3> (дата обращения 27.10.2023).
2. Бауман, З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
3. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М. 2002. – 308 с. URL: https://royallib.com/read/porus_v/ratsionalnost_nauka_kultura.html#0 (Дата обращения 18.11.2023).
4. Фуко М. Рождение клиники. – М.: Академический проект, 2014.– 263 с.
5. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Киященко Л., Степин В. Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Издательский дом «Миръ», 2009. – С. 249-295. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf (дата обращения 27.08.2023).